Александр Гордеев

Улыбка хвостом

Александр Гордеев
Улыбка хвостом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9998673

Аннотация

Герои книги две собаки, одну из которых зовут банально Бобиком, а вторую Пёс Драный. Книга адресована детям, но о приключениях умно и по-философски рассуждающих собак, с удовольствием читают и взрослые. Книга богато иллюстрирована рисунками художника Артёма Декина. Совсем недавно книжка была набрана шрифтом Брайля для слепых и слабо-видящих детей и представлена на конкурс книг такой технологии на специальной

Улыбка хвостом

Знакомство

Во дворе, под зелёной шелестящей берёзой встретились две собаки.

– Ну что, братан, давай знакомиться, – сказал первый очень суровый пёс, с длинной,

взъерошенной шерстью.

– Давай, – робко согласился другой: маленький, с умными глазами. – Меня зовут Бобик.

Трудно сказать, к какой масти относился Бобик. Его хвост был белым, а всё остальное наполовину

белое, наполовину чёрное. Даже умная мордочка была такой.

– Бобик? – усмехнулся взъерошенный пёс. – Ну, и кличка. Сам что ли придумал?

– Как это сам? – удивился Бобик. – Хозяева назвали.

– Н-да… Туго у людей с фантазией. Одни Шарики да Бобики кругом …

– А тебя как зовут? – не смело поинтересовался Бобик.

– О, у меня-то кличка особенная! Меня зовут – Пёс Драный!

– Да уж… – смущённо проговорил Бобик.

– И, заметь, что так я назвал себя сам! – гордо продолжал взъерошенный пёс.

– Как это возможно?! – изумился Бобик. – Впервые встречаю собаку, которая назвала себя сама.

– Это потому что я невероятно самостоятельный!

– И как же Вам это удалось, уважаемый Драный?

– Нет, ты не понял меня, – терпеливо поправил собеседник. – Меня зовут не «Драный», а «Пёс

Драный». «Пёс» – это всё равно, что «пэр» или «сэр». Этот титул я ношу, как признание своей

исключительной самостоятельности.

– Хорошо, – согласился Бобик, – но, может быть, вы всё таки ответите: как вам удалось назвать

себя самого?

– О-о! Тогда я был ещё совсем молод, в сущности, совсем щенок. Хозяин принёс меня,

безымянного, домой, а сам куда-то ушёл. И тогда я со всей силой своего любопытства изучил его

квартиру. Я изучил её так хорошо, что хозяин потом долго стоял на пороге, не понимая: домой ли он

вернулся. Ну и, признаюсь честно, чего уж тут скрывать, я был славно отлуплен!

– Ай-я-я-я-яй! – сочувственно воскликнул Бобик.

– Потом пришла хозяйка, и они вдвоём до самой темноты наводили порядок. А когда, наконец, всё

прибрали и сели отдохнуть, хозяин подобрел. Он сел в своё кресло и помешивая чай ложечкой, сказал: «Ну что, где этот пёс драный?» Я выглянул из угла, хозяин засмеялся и добавил:

«Откликаешься? Что ж, значит, так-то мы и будем тебя

называть».

– Но ведь выходит, это хозяин назвал вас «Драным», простите, «Псом Драным», – заметил Бобик.

– А знаешь ли ты, – ответил Пёс, – что клички лошадям дают только через год, когда они проявят

свой характер? А я проявил его сразу! А если б не проявил, если б не натолкнул хозяина на эту

мысль, то как бы он сообразил? А ведь натолкнуть на мысль, мой друг, иногда куда важней, чем её

высказать.

Чей хозяин лучше?

На другой день, поутру Бобик и Пёс Драный продолжили знакомство.

– А ведь хозяин-то мог бы тебя тогда и не лупить, – снова посочувствовал Бобик. – Мог бы как-то и

помягче наказать.

– Э-э-э, – с сомнением протянул Пёс. – Да разве ж можно что-нибудь понять без доброй трёпки?

– А что же ты понял после той доброй трёпки?

– Да хотя бы то, что я попал в хорошие, крепкие лапы, что мой хозяин самый лучший, самый

справедливый и самый крутой.

– Это потому, что он тебя отлупил?

– Потому, что справедливо отлупил, – уточнил Пёс.

– Что же, он и сейчас тебя лупит?

– Бывает… Но редко. А как иначе, если я этого заслужи-

ваю?

– Но, по-моему, это бесчеловечно или… Или бессобачно, что ли, – запутавшись, сказал Бобик. –

Ведь от этого звереют.

– Вот и хорошо. Ты знаешь, какой у меня замечательный, зверский характер? Я, например, когда

кошку увижу, так у меня потом шерсть ещё полчаса дыбом стоит! Во, какой я!

– Да, тебе легко быть таким, – подумав, согласился Бобик. – А у меня хозяин уж такой мягкий,

такой хороший…

– Так в чём же дело? – удивился Пёс Драный. – Воспитывай его. Делай какие-нибудь пакости, и он

тоже озвереет.

– Но я этого не умею…

– Бывает, – согласился Пёс Драный, – но ты не расстраивайся. Я научу. Дурное дело не хитрое. И

как ты только живёшь с таким хозяином! Не-е-ет, всё-таки мой хозяин лучше всех. И я за него хоть

кого цапну, если что…

– А я за своего, – признался вдруг Бобик.

2

Пёс Драный даже отстранился от него и взглянул по-новому.

– О, братан! – восхитился он. – Да, ты, выходит, тоже молодец!

Зверь!

В воскресенье Пёс Драный уезжал вместе с хозяином на дачу. По этому случаю на него надели

ошейник с поводком. Бобик, наблюдая за сборами, крутился у подъезда, где стояло их авто с

граблями, торчащими из багажника. Увидев Пса Драного, он приветливо завилял хвостом, но тот

вдруг с таким яростным лаем бросился на него, что Бобик едва успел отскочить, а бородатый хозяин

с огромной шевелюрой едва удержал поводок.

– Фу! – громко крикнул он.

И Пёс Драный с явным достоинством присмирел.

– Да не бойся ты, – сказал он Бобику, когда хозяин чем-то отвлёкся, – это я так, не со зла. Всё-таки

я на поводке и мне положено на кого-нибудь бросаться. Я тебе просто хотел хозяина показать.

Слышал, как он заорал? Ну, просто зверь! Зве-ерь, – с наслаждением повторил он ещё раз.

– Ну, надо же, – все ещё испуганно сторонясь его, заметил Бобик, – а ведь, без поводка ты совсем

другой.

– А чего мне без причины-то собачиться? – ответил Пёс.

Собачья солидарность

На другой день Бобик увидел странную сцену, опять-таки связанную с поводком: по двору

демонстративно из стороны в сторону прохаживается Пёс

Драный, а миниатюрный пёсик Шмель,

которого сегодня вывели на тонюсеньком ремешке, изо всей силы лает на него. Правда, лай этот

больше похож на визг, от которого свербит в ушах. Хозяйка Шмеля, разговаривая с соседкой, время от

времени одергивает своего питомца.

Скоро Псу Драному надоело дразнить Шмеля, и он подошёл к Бобику.

– Зачем ты так? – спросил Бобик. – Ты же делал это специально…

– Конечно специально, – признался Пёс. – Чтобы поднять авторитет Шмеля. Пусть его хозяйка

думает, что он тоже настоящая собака.

Привязанность

– А ведь если б Шмель не был на поводке, то он не стал бы так яростно лаять, – задумчиво сказал

Бобик. – Впрочем, как и ты в прошлый раз. Что же, поводки существуют для того, чтобы нам легче

лаялось?

– Ну-у–у, – протянул Пёс Драный, – тут всё куда сложнее. Поводок с одной стороны нужен нам, с

другой стороны хозяевам.

– Ну, конечно, ведь у всякого поводка два конца, – рассудил Бобик.

– Любому хозяину, – продолжал Пёс Драный, – приятно показать, что он идёт именно со своим

псом, который, конечно же, лучше тех, что бегают просто так, без всякого дела.

– Можно подумать, что ты любишь гулять на поводке, – удивлённо перебил Бобик.

– Конечно. Иногда люблю. Ты видел, как ходят люди, которые хорошо относятся друг к другу?

– Видел: тогда они держатся друг за друга.

– Верно. И это называется «ходить под ручку». А вот ходить с нами «под лапку» у них не

получится. Представляешь, как это неудобно? В первую очередь нам. Так что лучше поводка тут не

придумаешь ничего.

– Вот оно что, – сказал Бобик, – а я-то всё думал, почему это, когда я иду на привязи с хозяином,

то куда злее и настороженней отношусь ко всем остальным. А это, оказывается, от особой

привязанности к тому, кто тебе близок.

– Именно так, – подтвердил Пёс Драный. – Люди считают, что они в ответе за тех, кого приручили.

Ну, а мы? Разве мы не приручили их к себе? Приручили.

– А я так даже сказал бы, «прилапили», – добавил Бобик.

Территория.

Как обычно, выбежав на прогулку, Пёс Драный взялся помечать территорию своего двора. Тут он

увидел, что тот же самый участок помечает и Бобик. Конечно, Псу Драному тут же захотелось

прогнать его, но ведь прогнать друга всегда бывает куда труднее.

– Зачем ты помечаешь мою территорию? – для начала очень строго спросил он Бобика.

– Ну, а где же тогда моя? – обиженно спросил тот.

– А мне откуда знать?

– Значит, ты считаешь эту территорию своей лишь потому, что сильнее меня?

Пёс Драный смутился и расстроено сел прямо в пыль.

– Послушай, – сказал он через минуту, – а зачем мы вообще помечаем её?

– Для того чтобы по ней не ходили другие.

– И что же, не ходят? Увы! И ещё раз – увы! Ходят и внимания на нас не обращают. Кроме того,

скажи мне – ты не замечал, что происходит с нашей территорией, когда по ней ходят все?

3

– По-моему, она остаётся прежней, – осмотревшись по сторонам, ответил Бобик.

– То-то и оно, – вздохнув, сказал Пёс Драный. – Ох, и глупые же мы с тобой! Да и не только мы. А

этот Шмель из третьего подъезда! Его за один раз перекусить можно, он даже от кошек убегает, зимой

его с рук не отпускают, чтобы он на снегу лапки не обморозил, так и он тоже бегает, метит. Он-то от

кого нашу территорию охраняет? От мух, что ли…

– Но что же делать? – спросил Бобик. – Как быть не глупыми? Помечать-то всё равно надо. Так уж нам положено.

– Положено, – грустно подтвердил Пёс.

Они немного постояли, а потом и вовсе расстроено прилегли. Обоим хотелось метить территорию, но они не знали для чего.

– О, а я понял! – вдруг воскликнул Бобик и, как пружинка, вскочил на ноги. – Мы будем помечать её не для того, чтобы никого не пускать, а для того, чтобы потом всех на ней приветствовать! Пусть это будет территория дружбы!

– Ух, ты! – восхитился Пёс Драный. – Ну, я тебя прямо зауважал!

Теперь он тоже вскочил, и друзья бросились продолжать своё общее дело, от которого им никак нельзя было отказаться, но которое теперь стало куда понятней и приятней.

Собака, с которой нельзя познакомиться

Около мусорных баков копошился бродячий пёс с опущенным, грустным хвостом.

– Бедная собака, – сочувственно сказал Бобик, – у неё нет своего дома.

– Зато сколько у неё свободы! – ответил Пёс Драный. – Гуляет где хочет, когда хочет… Быть свободным – это хорошо!

– А с другой стороны не очень, – возразил Бобик. – Хорошо, но не очень.

– Не будем спорить, – предложил Пёс, – давай-ка лучше спросим у него.

Они приблизились к мусорным бакам. Незнакомец заворчал, покосившись на друзей:

– Не приближайтесь, – сердито добавил он к своему недружелюбному рыку, – я первый сюда

подошёл.

– А знаете, уважаемый, вообще-то это наш двор, – пояснил Бобик, – и всё здесь наше. Но если

вам нравится наш мусор, то, пожалуйста, ройтесь. Мы просто хотели познакомиться с вами. Вот

меня, например, зовут Бобик.

– А меня, например, Пёс Драный, – представился Пёс Драный.

Незнакомец оставил своё занятие и сел.

– Вообще-то раньше меня тоже как-то звали, – сказал он, – только я уже не помню как.

– Впервые вижу собаку, у которой нет клички! – удивился Бобик.

– А зачем мне какая-то кличка?

– Чтобы тебя можно было окликать, – пояснил Пёс Драный.

– Она потому и зовётся кличкой, чтобы окликали, – добавил Бобик.

– А кто меня станет окликать?

– Как кто? – удивился Пёс Драный и осёкся, вспомнив, что у бездомной собаки не может быть и

хозяина.

– Меня по-всякому зовут, – вспоминал между тем незнакомец, – иногда кричат «Эй!» Это, кстати,

нравится мне больше всего. Неплохая кличка «Эй!» Правда, же?

– Эй! – воскликнул Бобик, слушая, как это звучит. – Да, – тактично согласился он, – есть тут что-то

романтичное. Только «эй» кричат слишком часто и всем.

– А ещё меня иногда называют: «Пшёл вон!» или «Псина!». А вот бабушка из соседнего двора,

которая иногда угощает меня косточкой, зовёт «Собачкой».

Незнакомец много ещё рассказывал о том, как и где его окликают.

– Ладно, – сказал он, наконец, – заболтался я тут с вами, а мне ещё надо на одну свалку

заглянуть.

И он убежал.

– Знакомство не состоялось, – грустно сказал Бобик.

– Как не состоялось?! Ведь мы так долго болтали с ним.

– А как можно познакомиться с собакой, у которой нет клички?

– И то верно, – невольно согласился Пёс Драный, подумал

и заключил: – А, знаешь, мне что-то

расхотелось быть совсем свободным.

– А чего ж так?

– Имени жаль. Ведь совсем, совсем свободному оно не нужно. Не хочу всегда и для всех

оставаться незнакомым.

Конфетная реакция

Уже сам довольный вид Пса Драного, говорил о том, что подходит он с какой-то важной новостью.

Так и оказалось.

– Конфет вчера наелся-а-а… – сразу же похвастался он.

– Ух, ты! – позавидовал Бобик. – Где ж ты их нашёл?

4

– Где-где? – глядя свысока, проговорил Пёс Драный. – В кармане у хозяина. Вот где.

– И получил ещё одну добрую трёпку, – печально предположил Бобик.

– Что ты! Хозяин был просто счастлив.

Дальше Бобику расхотелось спрашивать. Ясно, что его друг придумал какую-то небылицу.

– Просто я нашёл способ, так брать у него конфеты, чтобы он еще и радовался этому.

– Такого не бывает, – рассудил Бобик. – Отдавая, не радуются. А если радуются, значит, отдают не

много или не нужное. А тут конфеты…

– Я тоже думал, что не бывает, а оно бывает, да ещё как!

И знаешь, я даже не ожидал, что люди

столь простоваты. Пошли мы, значит, вчера с хозяином гулять. И чую я, что у него полный карман

конфет. Они так пахли, что я слюну не успевал глотать. Привёл меня хозяин на площадку, да начал

руками размахивать и говорить что-то. А у меня перед глазами одни конфеты. Вот, думаю, нашёл

время, когда махать. Вижу, что хозяин что-то хочет от меня, да только мне из-за этих конфет ничего

не хочется. Кроме самих конфет, конечно. Я как стал перед ним, так и стою, ничего не соображая. А

он всё машет и машет, машет и машет. И тогда я взял и сел. Просто так, от огорчения. А он, представляешь, обрадовался этому! Тут же достал конфетину и засунул её прямо в мою пасть.

– Не может быть! – воскликнул Бобик. – Впервые вижу собаку, которой конфеты запихивают прямо

в пасть!

– Точно! Прямо в пасть! Вот сюда! Я от растерянности даже жевнуть её не успел – она сама в

меня упала. А хозяин снова машет, да ещё и улыбается. И тогда я думаю: ага, так вот на что ты

ловишься. Надо снова удачно сесть. Но когда? Долго я ловил момент, чтоб уж сесть, так без ошибки.

Сам знаешь: конфет захочешь – ещё не то поймёшь. Так вот, оказывается, эту его конфетную

реакцию можно вызвать тем, чтобы опуститься на хвост тогда, когда он скажет «сидеть» и сделает

определённый жест. А можно и проще: сесть от одного слова или жеста. Странно, что люди дают

конфеты, практически, ни за что. Более того, потом я изучил и другие способы. Можно не только

садиться, но и ложиться, и гавкать, и на задние лапы вставать, но только в нужный момент. И на все

эти пустяки у них реакция одна: давать конфеты! Как тебе такое открытие!? Вот если бы всем собакам

рассказать!

Бобик слушал это, как сказку, открыв пасть из которой текли слюнки.

– Даю тебе самый сладкий совет, – воодушевлённо сказал Пёс Драный. – Проделай всё это со

своим хозяином.

– Так он у меня ничего такого не говорит и руками никак не машет.

– Жаль, – посочувствовал Пёс, – значит, твоего так просто не подловишь…

В следующий раз они встретились спустя несколько дней, потому что гулять их выпускали в

разное время.

– Ну и что? – тут же спросил Бобик. – Всё так же ешь свои конфеты?

– Ем, но куда меньше, – ответил Пёс.

– Что же хозяин раскусил твою хитрость?

– Ничуть! – сказал Пёс Драный. – Просто эти конфеты у меня уже вот где стоят. А хозяин умный –

он это понял. Даёт, но не всякий раз. Да и в конфетах ли дело? Сесть, лечь или гавкнуть я могу и без

них. Мне не трудно, а хозяину приятно. Главное, что я понял, как это приятное сделать.

Великий пёс

Набегавшись, собаки, лежали под берёзой во дворе. Тут из подъезда вышла женщина и прямо с

рук опустила на землю Шмеля.

– Мелкотня, – заметил Пёс Драный и даже отвернулся, переложив голову с одного уха на другую, –

что толку от таких собак? Лает, будто мяукает. Позор всему собачьему роду! Вот придут грабители,

станут слушать через дверь, есть в доме собака или нет, а этот комар пискнет, так они только

обхохочутся.

– А, может быть, он не для охраны, – заметил Бобик, – а для чего-то ещё.

– Да хоть для чего, а всё равно мелкотня. А вот я был знаком с одним знаменитым псом. Ну,

скажем, не совсем знаком, просто видел его раза два на улице…

И Пёс Драный специально замолчал, вызывая у Бобика

нетерпение.

– Ну и что же этот пёс? – спросил тот. – Чем он знаменит?

– О! – воскликнул тогда Пёс Драный. – Знал бы ты, такое неизгладимое впечатление произвёл он на меня! Первый раз я увидел его в центре города. Он гордо шёл по улице и вёл за собой своего хозяина. Ах, какого хозяина он вёл! В шляпе, в длинном плаще. В одной руке его была тонкая тросточка, а на глазах чёрные очки. Уж я-то знаю, что такие хозяева – хозяева особенные. Они не держат каких-то там псов, так себе. Их собаки с особым, специальным образованием, до которого нам с тобой Бобик расти, да расти.

– Ну, так и чем же он тебя потряс? – нетерпеливо спросил друг.

– Не спеши. Быстро об этом не расскажешь. Я как увидел их, так и потянулся следом. Но, конечно, скрытно, чтобы меня не заметили. И вот вижу: подходят они к светофору. Ну, вот скажи, Бобик, что ты понимаешь в светофорах?

5

– А чего в них понимать? – удивился тот. – Мигают себе, да и всё. Машинам ехать надо, а они не пускают.

– «Не пускают», – передразнил Пёс, – а, скажем, если тебе улицу надо перебежать?

– Ну и что? Надо перебегать – вот и беги. Только смотри, как бы под колеса не угодить. Не велика наука.

– Да уж видел я одного такого «учёного», – вздохнув, заметил Пёс Драный, – его дворник за хвост на обочину оттаскивал. Ну ладно, не будем о грустном. Так вот, а этот пёс, ты только представь, разбирается в светофорах!

– Да ты что?! – потрясённо сказал Бобик. – Впервые слышу о собаке, которая разбирается в светофорах! Такого просто не может быть!

– Вот тебе и «не может быть»! Я говорю – не кошка мяукает. Высшее образование там налицо. И своего хозяина он перевёл так, что и люди засмотрелись. Но это ещё не всё. Слежу за ними дальше.

Навстречу идёт тётенька с болонкой. Беленькая такая, кудрявенькая, да ещё и с бантиком. Болонка – я имею в виду. В общем, такая красавица, что, например, в нашем дворе таких просто нет. Я едва со своими ногами справился, чтоб за ней не побежать. Ну, вот, что бы тут сделал ты?

– Да просто побежал бы да и всё. Чего тут думать?!

– Ну, вот! А этот пёс, и не оглянулся.

Бобик был пристыжен и растерян. Он, конечно, знал, что видеть болонку с бантиком и не оглянуться на неё просто выше собачьих сил, но зачем его

другу врать?

– Но и это ещё не всё! – видя смущение Бобика, продолжал Пёс Драный, – дальше нам

встречается… Кто бы ты думал?

– Другая болонка! – само собой вырвалось у Бобика. – Пусть даже без бантика! – виновато

попросил он.

– Ну, и заклинило же тебя на болонках! – усмехнулся Пёс. – И даже не уговаривай – про болонок

больше ни слова. Дорогу перебегала ко-ш-..

– Ка! – добавил Бобик, вскочил и рассерженно залаял. – Кошка! Ух, она такая-рассякая! Неужели

кошка?! Да чего же ей там надо? Тьфу ты! Испортить такой хороший рассказ!

– Вот именно – это была кошка, – сказал приятель, едва удерживаясь, чтобы и самому не полаять

для разрядки. – И как, по-твоему, поступил этот пёс?

– Да, конечно же, он просто взял и перекусил её пополам! – воскликнул Бобик и снова, теперь уже

ликующе залаял.

– Спокойно, – переждав его пустой восторг, сказал Пёс Драный. – Так вот, представь, что вместо

того, чтобы перекусывать эту кошку, он просто …приостановился и пропустил её перед собой! Кош-ку!

Кошку пропустил перед собой! Ты можешь это представить?! Конечно же, ты не можешь! Но я видел

всё это вот этими самыми, собственными глазами! И пусть они у меня лопнут, если я вру! И при этом

он, опять же, даже носом не повёл и глазом не скосил! Ты когда-нибудь, где-нибудь видел такое

самообладание?!

Бобик упал на землю, разбросив лапы, уронив голову на одну из лап, и некоторое время лежал в

полном изнеможении от такой потрясающей истории. Не менее Бобика был обессилен и сам

рассказчик.

– Это самая невероятная история, которую я когда-либо слышал, – признался Бобик. – И всё-таки

можно я спрошу?

– Конечно, спрашивай.

– А, может быть, этот пёс уже старый?

– Старый?! – возмутился Пёс Драный. – Бабушка твоя старая была! Да, наверное, и моя тоже. А

этот пёс был такой же, как мы с тобой. Но только совсем не такой!

– Да-а, – задумчиво произнёс Бобик, – вот такие-то псы и летают в космос. Мы по сравнению с

ним, и впрямь, полные ничтожества. А этот, – кивнул он на Шмеля, бегающего на ножках-спичках, – и

вовсе никто…

И они снова стали наблюдать за суетливым Шмелём.

– Хотя, впрочем, хорошо, что существует и такая мелкот-

ня, – вздохнув, сказал Пёс Драный, – нам

от этого хоть немного да полегче.

Своё лицо

Ясное, свежее утро предвещало новый жаркий день. К Бобику, гулявшему во дворе, вдруг

подбежала какая-то тощая собака, радостно приветствуя его вихлянием тонкого, будто ощипанного

хвоста.

– Вы кто? – удивился Бобик. – Я вас, кажется, не знаю.

– Ну, ты даёшь, – почему-то голосом Пса Драного ответила тощая собака, – это же я.

– Пёс Драный? – оторопело спросил Бобик. – Что случилось с тобой? В какой ощип ты попал?

Узнать его, и в самом деле, было нельзя. Блестящая чёрная шерсть, обычно развевающаяся в

беге красивыми волнистыми прядями, была лесенкой сострижена почти до самой шкуры.

– Что, что… – погрустнев, проворчал Пёс Драный, – постригли меня, вот что. Разве не видно?

6

– Видно. Оё-ёй, как сильно видно-о… – сочувственно ответил Бобик. – Видно так, что вместо тебя

я вижу какого-то стриженого пса, который почему-то говорит твоим голосом. За что ж тебя так?

– За шерсть, за что же ещё? Она линяет и летит по сторонам. Вчера вечером хозяин долго спорил

с хозяйкой, что со мной делать: вычесать или постричь. Хозяйка говорила: вычесать, хозяин: постричь. Что решили – видишь сам. А лучше бы вычесали, потому что после стрижки хозяйка

сказала хозяйка, что я потерял своё лицо.

– Наверное, морду, а не лицо, – поправил Бобик.

– А она сказала «лицо». Наверное, «своё лицо» говорят, когда имеют в виду что-то большее, чем

просто морду.

– Так, может быть, у собак лицом считается шкура? – предположил Бобик.

– А-а-а! Мне от этого не легче. А, что, совсем плохо, да?

– Да как сказать, – деликатно замялся Бобик. – Очень уж ты страшный теперь…

– Страшный! – воспрянул Пёс Драный. – Так это ж замечательно! А ну-ка, на ком бы мне это

проверить?!

Осмотревшись по сторонам, он увидел неподалеку Шмеля и с лаем бросился к нему. Шмель,

услышав лай, сначала кинулся наутек, но, оглянувшись и, увидев такую странную собаку,

остановился. И никакого страха! Одно недоумение. Пёс Драный для порядка гавкнул на него

несколько раз и вернулся с поникшей стриженой головой.

– Ну, а ты-то чему улыбаешься? – недовольно спросил он Бобика.

– Да, интересно как-то, – ответил Бобик, – Ты лаешь, а я не верю! Кажется, теперь тебе даже твой

собственный лай не подходит.

– Я и сам это чувствую, – расстроено признался Пёс Драный. – Так что никакой я не страшный, а

просто смешной. Придётся ждать, пока у меня прежнее, настоящее лицо отрастёт…

Задумался…

– Послушай, Бобик, – сказал Пёс Драный, – что у тебя стряслось? На кого ты лаял сегодня во

дворе с самого раннего утра?

– Да ни на кого, а просто так – на само утро, – ответил Бобик. – Только не от злости, конечно, а от

радости. Сегодня меня очень рано выпустили во двор. А знаешь, как здорово во дворе поутру? Такая

свежесть, такой чистый воздух. А запахи какие! Вот мне и захотелось, чтобы все поняли это.

– Но ведь многие в это время ещё спят, а ты беспокоишь их.

– Да, – виновато согласился Бобик, – я как-то не сразу догадался об этом. Но потом задумался и

перестал лаять.

– Ну, что ж, молодец! – похвалил Пёс Драный. – Это ничего, что ты не правильно залаял.

Главное, что задумался и исправился.

– Да уж от холодной воды кто угодно задумается, – бурк-

нул Бобик.

– От воды?! – удивился Пёс, разглядывая небо. – Но ведь ты сказал, что утро было прекрасное.

– Небо здесь ни виновато, – вздохнув, пояснил Бобик. – Вода была с балкона второго этажа…

Причём сразу целое ведро!

Беседа на высокие темы

В этот день Пёс Драный находился в философском настроении.

– Как ты думаешь, Бобик, – сказал он, – а не поговорить ли нам сегодня о чём-нибудь высоком?

– О каком высоком? – не понял Бобик, задрав морду вверх, чтобы увидеть что-нибудь над головой.

– Ты не понял, – засмеявшись, поправил друг, – ну, вот, к примеру, скажи мне: у тебя мечта какая-

нибудь есть?

Бобик тяжело, совсем не по-собачьи задумался.

– Хорошо, спрошу проще, – сказал Пёс Драный, – кем бы ты хотел стать, если б не был

дворнягой?

– Ах, вот ты о чём! – воскликнул Бобик. – Ну, так это как когда…

– Всегда по-разному, что ли? – удивился друг.

– Конечно! Вот когда мы поздно вечером идём с хозяйкой к тётушке Клаве, то хорошо бы мне быть

овчаркой, чтобы хозяйке не было страшно рядом со мной,

да, чтобы и самому ничего не бояться. А

вот когда тётушка Клава угощает меня, то хорошо бы в это время побыть таксой…

– Фу-у! – презрительно протянул Пёс Драный. – Таксой!? Что привлекательного нашёл ты в такой

вытянутой собаке?

– Сосиски! Ты представь, сколько сосисок уместилось бы во мне тогда…

– Эх ты, – разочарованно сказал Пёс Драный, – я тебе о высоком, о мечте, а ты о сосисках… Хотя,

– облизнувшись уже от самого этого слова, добавил он, – признаюсь, что с собачьей точки зрения,

трудно говорить о сосисках, как о чём-то низком. Так что, наверное, и впрямь, давай-ка лучше

поговорим о них.

Почему собаки не любят сидеть?

Уморившись на жаре, друзья завернули в тенистый парк и упали в траву под раскидистое дерево.

7

– Странно, – сказал Пёс Драный, наблюдая за людьми на скамейках, – я давно замечаю, что

уставшие люди чаще всего сидят, а мы, собаки, чаще всего лежим. Интересно, почему это так?

– Наверное, потому, что люди передвигаются прямо, а мы совсем наоборот, – предположил Бобик.

– И для отдыха им проще сесть, а нам проще лечь.

– Возможно, – с сомнением произнёс Пёс Драный, – да, только мудрёно.

– Можно и проще, – сказал Бобик, – но мне для этого надо чуть подумать.

– Хорошо, – охотно согласился друг, – ты чуть подумай, а я чуть подремлю.

Он тут же уронил голову и заснул, несмотря на муху, ползающую почти по самому кончику его

носа. Бобик же положил голову на лапы, и начал думать. Однако другу своему он ни сколько не

завидовал, потому, что думать ему нравилось куда больше, чем дремать.

Минут через десять Пёс Драный с лязгом проснулся, потому что прямо во сне попытался цапнуть

надоевшую муху.

– Ну, что подумал? – спросил он.

– Подумал, – ответил Бобик. – На самом деле, всё, и впрямь, куда проще. Люди чаще всего сидят,

потому что им удобней сидеть, а мы чаще всего лежим, потому что нам удобней лежать.

– И это всё? – изумился Пёс. – Может быть, мне ещё чуть-чуть или хотя бы чуть подремать?

– Увы, – сказал Бобик, – проще ответа уже не надумать и не надремать.

– Но почему ты решил, что людям, в отличие от нас, удобней сидеть?

– Да, хотя бы потому, что им не мешает хвост, – ответил Бобик.

– О! – приподняв голову, воскликнул Пёс Драный, – А вот это похоже на правду! Более того, наверное, так оно и есть. Это верно, потому что совсем просто.

Собаки и люди

– А вот скажи, Бобик, чем, по-твоему, собаки лучше людей? – спросил Пёс Драный.

– Постановка вопроса, конечно, любопытная, – заметил Бобик, – но ответа на него я не знаю.

– И не догадываешься?

– Нет, я понимаю, конечно, что мы тоже не так уж плохи. А вот чем мы лучше – сказать не могу.

– Да тем, что люди хоть и разумнее нас, зато мы куда храбрее их.

– Ну и довод… – разочарованно произнёс Бобик. – Ты считаешь, что храбрость лучше ума? А если

и лучше, то чем же мы храбрее?

– А вот смотри: построить ракету ума у людей хватило, а кто первым в космос полетел? А? Ну,

кто?! Наши великие – Белка и Стрелка! А люди уж потом… Следом поплелись.

– Но ведь если б не люди, так и нам, собакам, никогда космоса не видать…

– Ну и что? Люди ещё много чего могут. Им это положено. Ведь люди – это часть природы, в

которой живём мы – собаки.

Пустолайки

По улице проехал грузовик, который гудел так, что в окнах звонко волновались стёкла.

– Вот мне этот шум ни за что не перелаять, – признался Пёс Драный.

– И мне тоже, – сказал Бобик, – а вот вместе, хором – это ещё как знать. Ведь вместе мы можем

лаять в два раза громче.

– Отличная идея! – воскликнул Пёс Драный. – Давай попробуем!

Они залаяли изо всех сил. Но лай двойной силы всё равно не получился.

– Это потому что причины нет, – догадался Бобик.

– Ну, так давай найдём причину и облаем её.

– Да как же её найдёшь?

– А давай облаем первого, кто выйдет из-за угла.

– Но за что же мы его облаем?

– Мы что, должны думать об этом? Облаем, да и всё. Ну, хотя бы за то, что он вышел из-за угла.

– Здорово! – восхитился Бобик. – Ты так легко находишь хорошие причины!

Первым из-за угла вышел хозяин Пса, но уговор есть уговор и оба друга с лаем бросились к нему.

Да, теперь их лай звучал куда громче!

– Вот я вас, пустолайки! – возмутился хозяин.

Он погрозил им кулаком, и хор замолк, как от руководящего жеста дирижёра.

Друзья отошли в сторону и легли. Оба были расстроены.

– И чего это он нас пустолайками обозвал? – обиженно спросил Бобик.

– А разве это не так? – защищая хозяина, ответил Пёс Драный. – Как можно облаять человека

лишь за то, что он вышел из-за угла?

– Но ты же сам это предложил! – изумился Бобик.

– Ой, Бобик, пожалуйста, лучше не напоминай мне об этом. Ну, откуда я мог знать, что это будет

мой хозяин? Помолчи. Не береди мою душу.

– Ладно, не буду – успокаивая друга, пообещал тот.

– Понимаешь, – продолжал Пёс Драный, – может быть, внешне-то я, и впрямь, пустолайка, но,

поверь, Бобик, что в душе у меня всё совсем иначе.

8

Барбарис

Пёс Драный и Бобик лежали около скамейки, на которой сидели бабушки, обсуждая какие-то свои

человеческие новости, когда мимо прошёл бульдог Барбарис. Прошёл важно, даже не взглянув на

приятелей.

– А знаешь, – сказал Бобик, – наверное, самая культурная собака нашего двора это – Барбарис.

– Тоже мне культурный, – усмехнулся Пёс Драный, – про-

шёл и даже не поздоровался.

– Да, – согласился Бобик, – культурные обычно здороваются, но когда культуры становится много,

то появляется важность и здороваться тогда уже не обязательно.

– Вечно ты всё запутаешь своим умничаньем, – сказал Пёс Драный, – выходит, он культурный

только потому, что важный?

– Не только. Вот смотри: видишь, он в подъезд вошёл? Как ты думаешь, что он будет сейчас

делать?

– Знаю. Сядет и станет ждать лифт.

– Вот! А я что говорю? Это мы, простачки, по лестнице бегаем, а он культурно на лифте

поднимается. Хотя живёт лишь на третьем этаже.

– Может быть, он и культурный, – рассудил Пёс Драный, – но только пока он сидит и дожидается

кого-нибудь из людей, чтобы до третьего этажа доехать, я уже десять раз на девятый сбегаю. Да как-

то и глуповата его культура. Люди-то ведь на разные этажи едут. Его бывало, поднимут на девятый

этаж, а он потом спускается на третий. Какой же смысл в такой культуре?

– Н-да… – задумчиво произнёс Бобик, чувствуя разлад в своих рассуждениях. – А ты не знаешь,

почему его Барбарисом зовут? Может быть, он, как и ты,

придумал себе кличку сам? Очень уж она
ему подходит.

– Да что ты! Скажу тебе по секрету, что история его клички, в отличие от моей, вообще позорна и
непристойна.

– Как?! Что может быть непристойного в такой гордой кличке?

– Гордой?! А если я тебе скажу, что вначале-то он вообще девочкой был, а уж потом мальчиком
сделался?

Бобик даже сел от такой новости.

– А что, теперь бывает и так?

– Конечно. Его же хозяйка покупала. Ей хотелось купить собачку-девочку, а продавцы что-то
перепутали. Привезла она его домой и до самого вечера «Барби» называла. А вечером хозяин
пришёл, рассмотрел его, да и говорит: «Помилуй, Муся, да какая ж это Барби?! Тут у нас не Барби, а
самый настоящий Барбарис…»

Умное превосходство

Приятели, поприветствовав друг друга, прилегли рядышком на своём привычном месте под
берёзой. Но через минуту Бобик почему-то вдруг поднялся, отошёл чуть в сторону и лёг там.

– Чего это ты? – обиженно спросил Пёс Драный.

– Ты, конечно, меня извини, – сказал Бобик, – но рядом с

тобой мне хочется чихать. От тебя

пахнет не то табачным ларьком, не то каким-то пожаром.

– Пожаром? – удивился Пёс Драный. – Да не пожаром, а моим хозяином.

– А что он работает пожарным?

– Да он сам, как пожар, – посетовал Пёс Драный, – курит без конца. Дым вокруг него слоями висит.

Вот моя шерсть и пропахла дымом.

– Странно, – сказал Бобик, – люди такие умные существа, а глупостей делают – не счесть. Вот я

был бы не прочь стать таким же умным, но чтобы курить…

– Ух, какой ты хитрый! – воскликнул Пёс Драный. – Хотел бы быть умным, как люди, а курить, как

они, не хочешь.

– Нет, не хочу. Потому что в этом-то как раз ничего умного и нет.

– Постой, постой! – приподнявшись на передние лапы, сказал Пёс. – Уж не хочешь ли ты сказать,

что, не желая курить, мы, собаки, в чём-то умнее самих людей?

– Мне не легко это говорить, – вздохнув, ответил Бобик, – но, по-моему, так и есть. В конце концов,

не во всём же людям быть умнее нас.

– Не во всём, – поразмыслив, согласился Пёс Драный, – хотя, с собачьей точки зрения, курение

это такая глупость, что быть умным здесь совсем не трудно.

Охотничий инстинкт

Хочешь – не хочешь, но если ты лежишь во дворе, а по перилам балкона первого этажа нагло

прохаживается кот Шкода – весь такой противно гибкий и чёрный до блеска, то ты всё равно станешь

наблюдать именно за ним.

– А приходилось ли тебе когда-нибудь есть кошек? – спросил вдруг Бобик Пса Драного во время

такого наблюдения.

9

– Бр-р, – потряс головой Пёс, – об этом и думать противно. Колбасы за свою жизнь я скушал не

мало, а кошек ни одной. Если только их не бывает в колбасе.

– Надеюсь, что нет. Так вот скажи тогда, пожалуйста, не слишком ли большое место занимают

кошки в нашей собачьей жизни? Ну, вот чего мы за ними гоняемся? Почему они нам покоя не дают?

Некоторое время они лежали, размышляя над таким важным собачьим вопросом.

– Вероятней всего, – предположил Пёс Драный, – это у нас проявление охотничьего инстинкта.

– Глупый он какой-то этот инстинкт, – заметил Бобик. – Зачем гоняться за тем, что нам не нужно?

– Ой, Бобик, не убивай меня окончательно! Уж, не знаю, бывают ли инстинкты умные, в принципе,

но глупее нашего, и впрямь, не найти. Ведь, если подумать, то не такие уж мы и голодные, чтобы этих

несъедобных кошек гонять…

В это время, кот Шкода, будто услышав их, спрыгнул с балкона и мягко, словно на цыпочках, зашагал по тротуару. Собаки увидели это одновременно и так же одновременно с лаем сорвались с

места. В два прыжка Шкода оказался в недосягаемости на ближайшем дереве, глядя оттуда

вытаращенными глазами на обоих друзей сразу. Собаки побегали немого вокруг ствола, полаяли,

потом сели, успокаиваясь.

– Тьфу ты! – окончательно придя в себя, сказал Пёс Драный. – Ну, и глупостей же ты наговорил!

Зачем думать над тем, что ясно без всякого думанья? Нам положено их гонять, вот и гоняем.

Бобик хотел сказать, что-нибудь умное, но ничего умного, после их рывка за кошкой, у него не

нашлось.

– Тьфу ты! – сказал и он.

Как не злиться на кота

Пёс Драный только выбежал из подъезда на прогулку, а тут уже другой, рыжий и пушистый кот

Вальяжа чинно и даже с каким-то достоинством, вышаги-

вает по тротуару. Возмущенный такой

наглостью, Пёс Драный сходу облаял кота. Однако тот не бросился наутек по примеру собрата

Шкоды, а остановился, превратившись в тугую пружину: хребёт дугой, хвост трубой, шерсть дыбом.

Этого ещё не хватало! От ярости Пса Драного подбрасывало на месте, разрывало от лая, но цапнуть

Вальяжу он не решался. Попробуй, сунься – там такие коготки, что и без глаз не долго остаться. Но

что же делать? Да ничего – только прыгать вокруг него и лаять, что есть сил.

И тут на помощь примчался разъярённый Бобик. Он так сильно разбежался, что сначала даже

пронёсся мимо них вместе с облаком пыли. Пёс Драный воспрянул духом. Ну, держись несчастный

котяра, уж вместе-то мы тебя так облаем, что ты навсегда забудешь, как ходить по нашему тротуару!

А Бобик сегодня молодец! Зол прямо за шестерых!

И лишь теперь от их солидарного лая Вальяжа трусливо бросился бежать. Впрочем, если по

совести, то не так уж и бросился, да не так уж и трусливо. Он просто сделал три прыжка в сторону, а

с четвёртого взлетел на свой балкон. И главное, тут же успокоился! Сел, пригладил лапкой усы и,

кажется, даже зевнул от скуки. Ох, и наглец! Злишься тут на него, а ему хоть бы хны! Знает, что

теперь он в безопасности и, видите ли, зевает. Позевал бы он вот здесь на тротуаре! Хотя, нет: пусть

уж лучше зевает на балконе – гавкать на балкон всё же менее позорно.

Налаявшись до хрипа, друзья отошли в сторонку, легли под берёзкой и приуныли.

– Ты не находишь, что мы выглядим несколько глуповато? – первым заговорил Бобик. – Увидели

кота и шуму на весь двор! А толку-то – даже цапнуть его не смогли.

– Да уж, если бы смогли, то это было бы просто здорово! – воодушевлено сказал Пёс Драный.

Эта мысль привела его в восторг, он вскочил на ноги и ещё несколько раз хрипло гавкнул на уже

заснувшего кота.

– Но ведь не смогли же… – заметил Бобик.

– Ну и что ж? – упав рядом с ним, ответил Пёс Драный. – Кто видел, что не смогли? Зато все

слышали, как решительно мы действовали.

– А не глупо ли нам вообще лаять на него? Впрочем, как и на всех остальных кошек тоже?

– Да глупо, конечно, – признался, наконец, Пёс, – но что делать, если адреналин покоя не даёт?

– Нет, я-то лаю, кажется, просто так, сам по себе.

– Нет, Бобик, ты тоже лаешь с адреналином. Лаять без адреналина совсем никудышное дело –

самому скучно станет.

– Но ведь если я не знаю, что это такое, значит лаю без него.

– Да как же без него, если адреналин – это злость, которая закипает в тебе при виде кота?

– А, ну так это другое дело, – согласился Бобик, – тогда я, можно сказать, одним адреналином и

лаю. И куда его деть тоже не пойму. Вот если бы с ним как-нибудь по-умному справляться…

– Скажешь тоже «по-умному», – передразнил Пёс Драный, – да как вспомнить про этот ум, когда

лаять надо?

– Действительно, – грустно согласился Бобик, – совсем невозможно.

– А-а, – безнадёжно проговорил Пёс Драный и поплёлся домой.

На следующее утро Бобик выбежал на прогулку и первое, что он увидел, был его друг, который

кругами носится вокруг детской площадки. Бобик в недоумении сел невдалеке и стал ждать, когда тот

набегается.

10

Наконец Пёс Драный притормозил, и устало подбежал к Бобику. Его бока вздымались, с языка

капала влага.

– Всё! Наверное, уже хватит … – с трудом проговорил он.

– Ну почему же хватит? – иронично заметил Бобик. – Побегал бы ещё…

– Нет, хватит. Кажется, уже весь адреналин закончился.

Ах, вот оно что! Бобик оглянулся в сторону кошачьего этажа и увидел там сразу обоих дремлющих

котов – каждого на своём балконе.

– Ну, ты и молоде-ец! – восхитился он, но уже с невольно закипающим рычанием, от вида этих

наглецов.

– То, что молодец – это понятно, – снисходительно ответил Пёс Драный, – главное, что я ещё и

умный.

Но Бобик его не слышал – он уже мчался по тому же кругу. Он тоже хотел быть умным. Ох, сколько же кругов нужно намотать сразу за обоих котов!

Зачем собаке палка?

Утром друзья отдыхали под любимой берёзкой, с любопытством наблюдая, как Шмель пискливо

лает на кота Вальяжу, сидящего на балконе.

– Ну, просто уморительная картина, – заметил Пёс Драный, уже с высоты обретённого опыта. – Ты

только послушай, как он тявкает.

– Тявкает? Почему ты сказал «тявкает»?

– Так известно же, Бобик, что в этой жизни кто-то лает, а кто-то всего лишь тявкает.

– А-а, – сказал Бобик и задумался над тем, что делает он.

Некоторое время они лежали молча.

– Тоже адреналинчик покоя не даёт, – снова сказал Бобик, кивнув на уже охрипшего Шмеля, и

пояснил, – я говорю «адреналинчик», потому что адреналин в Шмеля просто не поместится.

– О, как же много на этом свете глупых псов… – вздохнув, проговорил Пёс. – Я тут с утра

наблюдал ещё одну любопытную картину. Выходит, значит, во двор этот бульдог Барбарис, которого

ты считаешь очень культурным, со своим хозяином. А хозяин вышел для того, чтобы выбросить

какую-то не нужную палку. Так вот швыряет он её вот туда, к забору. А что делает наш славный

Барбарисик? Он несётся во всю прыть за этой палкой, хватает её и приносит назад! И так, примерно,

сорок девять раз.

– Сорок девять раз! – удивился Бобик. И что же за все сорок девять раз он так эту палку и не

выбросил?

– Ну, при чём здесь «за все сорок девять раз»? Палку можно выбросить лишь в какой-то

последний раз. Например, в девятый или десятый. Хотя, можно и в первый.

– Так почему же он не выбросил в первый или в десятый раз?

– Ну, как же её выбросишь с таким глупым псом?! Слу-

шай, Бобик, ты совсем меня запутал. Не
умничай, пожалуйста, а?
– Ты извини, пожалуйста, я не специально – у меня это само выходит.
– Так вот, наблюдал я за ними полчаса. И за всё это время у хозяина так ничего и не вышло. Он
уже устал её швырять, уже устал смеяться над глупостью своего пса, а тот, как приносил эту палку,
так и приносит.
– И что же было потом?
– А то, что эту, не нужную палку, пришлось унести домой.
– Я тоже такое видел, – признался Бобик, – но я решил, что это игра. Разве твой хозяин не делал
так? Ну, хотя бы в то время, когда конфетами тебя кормил, а ты ложился, вставал, гавкал?
– Было дело, – признался Пёс Драный, – однажды он тоже взял палку, откинул её в сторону и что-
то крикнул. Ну, я-то не такой дурень, как этот …дурень. Я сразу всё понял. Я схватил палку, отнёс её к
мусорным бакам и бросил там. Если мой хозяин что-то выбрасывает, разве не должен я помочь?
Зачем я буду что-то делать против своего замечательного хозяина? Но как он смеялся тогда, как
смеялся. Как был рад моей помощи!
– И что же больше он эти палки не швырял?
– Ни-ког-да! С тех пор, видя собак, бегающих за палками,

он только смеётся, а меня ласково

гладит по шее. Вот здесь.

Хозяева и телевизор

Друзья снова говорили о хозяевах. Пёс Драный, конечно же, считал лучшим своего хозяина, Бобик

– своего.

– А вот мой хозяин, вот мой хозяин, – взахлёб говорил Бобик, – он такой умный, такой умный! Он

умный до такой степени, что всё свободное время телевизор смотрит. Вот так!

– Ну и что? А вот мой вдобавок к телевизору ещё и газету читает!

– Но ты бы видел, как мой хозяин смотрит телевизор!

– Эка, невидаль! И как же это он его так смотрит? Вверх ногами что ли?

– Послушай, Пёс Драный, ты хоть и друг, но не смей так переворачивать моего хозяина, хорошо?

– Хорошо, хорошо. Извини, Бобик. Но как же он всё-таки его смотрит?

– А смотрит он внимательно, внимательно. Бывает, по часу шевельнуться не может. Во какая у

него выдержка!

– Зато мой, когда футбол смотрит, может так заорать, что в ушах десять минут звенит. Вот так-то! А

однажды он и меня рядом усадил, давай, мол, вместе по-

болеем. А чего там смотреть? Ну, ладно бы

ещё там собак показывали, которые кость друг у друга отбирают, а там ведь просто люди с мячом.

Сижу, тоскую, задремал даже незаметно от хозяина. А он как заорёт: «Го-о-ол!» Я испугался и в угол!

Так что хозяин только рукой махнул. «Ну, и сиди, – говорит, – там, если настолько бестолковый, что

футбола не понимаешь!»

– Значит, к телевизору ты равнодушен? – спросил Бобик.

– Конечно, – сказал Пёс Драный, – не нужна мне такая болезнь. Пусть уж лучше они сами ей

болеют.

– И я равнодушен, – признался Бобик. – Видно, не собачье это дело – телевизор.

Верное дело

По двору на длинном толстом ремне провели невероятно злого бультерьера.

– Странно, – сказал Бобик, – вот вроде бы тоже наш брат – собака, а общаться с ним совсем не

хочется – до чего ж свиреп. Зверь и зверь.

– Ну, так и что ж, – ответил Пёс Драный, – все мы произошли от зверей.

– И не только мы, – добавил Бобик, – люди так и вовсе обезьянами были. Только сейчас-то среди

них нет обезьян. А сколько зверей среди нас! Взять хотя бы этого бультерьера или другие породы

бойцовых собак. Они ведь могут загрызть кого угодно.

– Конечно, ведь они такие сильные, – даже с некоторым восхищением сказал Пёс Драный.

– А ты считаешь, у нас этой силы нет? Да просто они ещё звери, а мы уже собаки. Конечно, мы

тоже лаем и даже вроде бы нападаем. Но ведь главное-то наше оружие давно уже не зубы, а простой

лай.

– Бойцовых собак люди используют, как оружие против других людей, – сказал Пёс Драный. –

Значит, они тоже нужны.

– Не логично как-то, – возразил Бобик, – выходит, что одним людям они нужны, а другим совсем

наоборот. Но ведь когда-нибудь люди перемирятся между собой, и тогда этих собак-зверей отправят в

зоопарк. Не хотел бы я быть таким зверем.

– А кем бы ты хотел быть?

– Да тем же, кто и есть – просто другом.

– Да, – подумав, согласился Пёс Драный, – быть другом – это, пожалуй, самое верное дело. Не

очень-то приятно, когда тебя используют для чего-то плохого. А другом быть хорошо. Друзей

используют только для дружбы.

Улыбка хвостом

– Послушай, Пёс Драный, а ты не знаешь, почему мы машем хвостом, когда видим некоторых

людей?

– Ты хочешь сказать, что я тоже машу? – удивился Пёс Драный.

– А разве ты не замечал? Если нет, то давай проверим.

Ждать долго не пришлось. Во двор вышла хозяйка Пса Драного, которая с сумкой в руке

направлялась в магазин. Пёс Драный поднялся и радостно побежал ей навстречу.

– Ну, вот! – воскликнул Бобик. – Взгляни на свой хвост!

Пёс Драный оглянулся и увидел, что хвост его и впрямь приветливо машет из стороны в сторону.

– Странно, – сказал он потом, проводив хозяйку, – а я этого не замечал. Надеюсь, что я машу

хвостом только тем, кто мне нравится?

– Вот именно! – воскликнул Бобик. – С моим хвостом выходит то же самое. Как только я увижу

того, кто мне нравится – хвост машет сам. Однажды я пробовал его удержать – так это не выходит!

– Понятно, – сказал Пёс Драный, – значит, мой хвост потому и машет, что мне приятно кого-то

видеть. А если мне приятно кого-то видеть, мне хочется улыбнуться. А чтобы моя улыбка была

заметней, я улыбаюсь ещё и хвостом.

– Здорово! – воскликнул Бобик. – Представляешь, какая у нас, собак, широкая улыбка! Никто не

умеет так размашисто улыбаться, как мы!

Собачий секрет

Выбежав после обеда сытым, весёлым и бодрым, Пёс Драный увидел Бобика, печально лежащего

под берёзой. Печаль друга была столь велика, что и смотрел-то он куда-то в сторону.

– Что с тобой? – осторожно поинтересовался Пёс Драный.

– Ох, боюсь я, как бы мой хозяин ни о чём не догадался, – вздохнув, ответил Бобик.

– Неужели, всё же напакостил чего-то? – обрадовался Пёс Драный. – С почином!

– Да не напакостил я. Просто опасаюсь, как бы хозяин не догадался, что хозяйка относится ко мне

с большим уважением, чем к нему.

– С чего ты взял? И с чего это твоя хозяйка такая странная?

– Уж не знаю с чего, да только замечаю я, что в обед, она хозяину просто так, как бы, между

прочим, суп наливает, а мне всегда с поклоном. Она даже чашку мою на пол поставила, чтобы

наливать почтительней было.

Пёс Драный немного постоял, переваривая услышанное, и вдруг упал, словно его подкосило сразу

на все четыре лапы.

– Ничего себе! – испуганно произнёс он. – Так у меня-то ещё хуже! Моему хозяину хозяйка

наливает суп прямо за столом, а для того, чтобы мне налить да поклониться, специально к моей

чашке в угол подходит.

Некоторое время они лежали, озадаченно размышляя.

– И-и-и, – вдруг, как от зубной боли, взвыл Пёс Драный, – да дело-то ещё хуже! Она ведь и мясо

для хозяина покупает там, где все покупают, а косточки для меня специально ходит покупать на

самый край рынка. Да ещё и с продавцом ссорится. Однажды продавец говорит ей: «Ну, вы эти кости

прямо, как для себя выбираете». А она знаешь, что ответила? Она ответила: «Не ваше собачье

дело». Ты понимаешь?! Она моё собачье дело принимает, как своё. Как же я сразу-то не догадался!

Ну, Бобик, открыл ты мне глаза. А лучше бы не открывал. А если, и вправду, хозяин догадается? А

ведь мне так нравиться жить у них. Что же делать? Может быть, не есть мне эти рёбрышки? Может

быть, вообще от пищи отказаться?

– А, может быть, тебе вместе с хозяином за стол сесть, чтобы хозяйке тебе в угол суп не носить?

– Бобик! – сердито сказал Пёс Драный. – Шутки здесь не уместны!

– А знаешь, давай-ка, мы будем помалкивать об этом, и ничем этого не выдавать, – предложил

тогда Бобик. – Откуда хозяевам знать, что мы обо всём

догадались?

– Конечно! Всё! Собачий секрет! Могила! – горячо поклялся Пёс Драный.

Сколько лап в колесе?

Друзья сидели у входа на стадион, наблюдя за спортсменом, который вместе с большим

мраморным догом бежал по длинному кругу беговой дорожки.

– Скажи Пёс Драный, а ты не задумывался о том, почему мы бегаем быстрее человека?

– Задумывался, конечно. Но, думаю, что тут тебе умничать не над чем. Тут всё просто. Это же

понятно, что четыре лапы всегда побегут быстрее, чем две.

– А почему машины, которые и вовсе без ног, бегают ещё быстрее?

– Да думал я, конечно, и об этом. Долго думал. Целых пятнадцать километров думал. Мы тогда с

хозяином на дачу ездили. Я смотрел, как в окне мелькают столбы, деревья, дома и всё высчитывал,

сколько же прибавить себе ног, чтобы у меня в глазах так же рябило, только без машины. Уж я

считал, считал, считал, считал… Эти ноги прибавлял, прибавлял, прибавлял, прибавлял. Пока не

запутался и не споткнулся.

– Как это «споткнулся»? Ты же ехал на машине.

– Ой, Бобик, ну, конечно же, я споткнулся мысленно. Какая собака споткнётся, сидя в машине?

– И на какой же лапе ты споткнулся?

– Примерно, на десятой. Но когда споткнулся, то лишних лап иметь уже не захотел. С ними же

просто не справишься.

– И всё же это не ответ, – подумав, настойчиво сказал Бобик, – ты так и не ответил, почему

машина бегает быстрее нас на таких смешных ногах?

– На смешных? Да ты только посмотри на эти смешные ноги! Там же вкруговую одна сплошная

подошва!

– И вправду! – удивился Бобик. – А, ну, так вот тебе и ответ. Машины и даже велосипеды бегают

так быстро потому, что колёса – это те же лапы, только вкруговую.

«Гав!» и «Мяо»

Был весенний день. Друзья, высунув языки, лежали под берёзой во дворе и опять же невольно

наблюдали за рыжим котом Вальяжей, который, щурясь от солнца, сидел на балконе.

– Ой, ну до чего же он противный, – сказал Бобик, – сладкий, прямо, как конфеты, которыми

кормил тебя твой хозяин.

– Тьфу ты! – возмутился Пёс Драный. – Ну, зачем отравлять такое вкусное воспоминание?! А в

сущности-то, – подумав, произнёс он, – что удивительного в том, что мы не любим кошек? Мы, собаки, когда нам нужно заявить о себе, сразу говорим твёрдо и решительно: «Гав!»

– А кошки мяукают. Причём, так подло, что, например, у меня это даже не получится, – добавил

Бобик. – Просто подлости на это не хватает. М-я-я-у, – попытался он передразнить кошек и даже

закашлялся.

– Ой, умоляю, – попросил Пёс Драный, – не повторяй эту гадость. А то я и тебя готов укусить.

Конечно, разве можно наш «гав!» сравнить с каким-то «мяо»! А, вспомни, как, мяукая, они льстиво

прогибают спину, смотрят узкими глазками, трутся о хозяйскую ногу, выпрашивая какой-нибудь жалкий

кусочек колбаски. Тьфу!

– Всё! – сказал Бобик. – Больше ни слова! А то у меня и так уже шерсть дыбом стоит.

– А ведь люди не правильно говорят, что вот, мол, живут, как кошка с собакой, – продолжал Пёс. –

Правильней сказать: «как собака с кошкой». Потому что именно мы не хотим закрывать глаза на их

лесть и подлость!

– А вот бульдог Барбарис, кажется, живёт в одной квартире с котом Шкодой, – сообщил Бобик.

– Да ты что?! Вот так новость!

– И, кажется, они не плохо ладят.

– Ну, всё! – решительно сказал Пёс Драный. – Если это правда, то Барбарис для меня больше не существует. Для меня он больше не собака!

– А кто же? Просто бульдог что ли?

– И не бульдог. Он позорит сразу весь собачий род. Чего доброго, он скоро и сам замяукает на пару со своим котиком!

– Вряд ли. У него не выйдет. Я же пробовал – не выходит.

– Так то у тебя, а у него выйдет, выйдет, точно говорю.

Бобик полежал и немного поразмыслил.

– Нет, – сказал он, – я что-то не могу представить мяукающего бульдога. А вот интересно, кошка может гавкнуть?

– Да ты что?! – возмутился Пёс Драный. – Как ты мог подумать такое?! Уж тут-то я точно говорю: с кошачьей натурой никогда «Гав» не скажешь!

Намяукали

Пёс был поникшим и убитым.

– Ну вот, накаркали мы прошлый раз, когда говорили о кошках, – грустно сообщил он Бобику.

– Лучше уж не накаркали, а нагавкали, – робко поправил тот, внимательно присматриваясь к другу.

– Ой, Бобик, да мне даже всё равно: хоть накаркали, хоть нагавкали, а, по правде сказать, так даже намякуали. Кстати, это ты тут пытался кота изобра-

жать, вот и намяукал.

Бобик напряжённо распрямился. Ведь намяукать можно было только что-то совсем серьёзное.

– Так что же всё-таки случилось? – спросил он.

– Ой, подожди, Бобик, моя горечь ещё вылита не вся… – сказал Пёс, уронив голову на лапы. – И

почему это произошло именно со мной?! С собакой, которая носит такое гордое имя: «Пёс Драный»!?

Почему это произошло не с какой-нибудь другой собакой, например, с тобой, Бобик, или с тем же

Барбарисом? Хотя с бедным Барбарисом это уже произошло. И теперь я готов ему даже

посочувствовать.

– Готов биться о заклад, – догадался Бобик, – что твои хозяева завели кошку.

– О, Бобик, ты даже и сам не представляешь, насколько ты прав! Именно это-то и случилось. Но

самое страшное в другом.

– А в чём же?!

– А в том, что я, кажется, теряю сам себя. Хозяева купили котёнка, и он лежит теперь в коробке из-

под ботинок. Маленький такой, пушистый. Я подошёл, посмотрел… Бобик, ты можешь мне поверить?

– Конечно, могу. Постараюсь…

– Поверь же мне, о, Бобик, я изо всех сил пытался разозлиться на этого нашего вечного врага. Но

как можно злиться, если этот враг такой пушистый и такой беззащитный?! А когда он что-то там

пропищал, то я в ответ не смог даже гавкнуть! И это я – пёс, у которого такой замечательный, боевой

лай! Бобик, пожалуйста, посмотри на меня, внимательно.

– Смотрю… Изо всех сил смотрю.

– Скажи, я не перестаю быть собакой?

– Кажется, нет. Во всяком случае, я этого не замечаю.

– Скажи, Бобик, ты меня всё так же, по-собачьи уважаешь?

– Ну-у-у, – замявшись, протянул тот. – Как тебе сказать…

– Говори правду, – сурово потребовал Пёс Драный. – Говори всё, как есть.

– Ну, хорошо. Теперь я уважаю тебя ещё больше.

– Да?! Но за что?!

– За то, что ты не способен гавкать на слабых.

Человек – друг собаки

Друзья сидели на площадке, наблюдая за выступлениями дрессированных собак. Как раз над

головами друзей висел плакат: «СОБАКА – ДРУГ ЧЕЛОВЕКА».

– Для нас написано, – сказал Пёс Драный, – чтобы мы этого не забывали.

– Почему ты решил, что люди написали это для нас?

– А зачем что-то писать для себя, если ты это и без написанного знаешь?

– Логично, – согласился Бобик. – Только ведь тут получается, что и человек – друг собаки.

– Выходит так, – согласился Пёс Драный. – Все люди наши друзья, только все в разной степени.

– Как так? – не понял Бобик.

– Ну вот, например, мой хозяин больше друг собаки, чем твой.

– Это ещё почему? – обиделся Бобик.

– Потому что твой хозяин лысый и бритый, а мой: кудрявый и с бородой!

Бобик насупился и отвернулся.

– Э-э, – засмеявшись, сказал Пёс Драный, – ты, что же шуток не понимаешь? Подумай – разве

борода или лысина могут влиять на умение быть другом?

Расставание

Во дворе грузили вещи в грузовик. Друзья сидели, наблюдали. Кто-то собирался уезжать, и, возможно даже, в другой город. Собаки были спокойны до тех пор, пока не увидели, что к машине

подвели на поводке бульдога Барбариса и усадили его наверх, привязав поводок к борту.

– Ух, ты! – восхитился Пёс Драный, – Барбариска уезжает. Здорово! Нам без него будет куда

просторней. Правильно делает, что уезжает, я всегда тайно недолюбливал его.

– А мне его жалко, – признался Бобик.

– Чего ж, его жалеть?

– А, ты представь только, что он никогда уже не увидит нашего двора.

– Подумаешь, – сказал Пёс Драный, – что особенного в нашем дворе? Двор, как двор. Зато он

увидит какой-нибудь другой, новый.

– Нет, ты представь, что на самом деле уезжаешь, – настойчиво попросил Бобик.

Пёс Драный склонив голову, посидел минуты две.

– Ну, и как? – спросил Бобик.

– Нет, Бобик, что-то не представляется. Как я могу куда-то уезжать? Наверное, если мы пройдёмся

по всем нашим местам, я представлю это лучше.

Они пошли по двору. Остановились и легли под берёзой, возле которой лежали чаще всего.

– Слушай, Бобик, – вдруг погрустнев, сказал Пёс Драный, – а ведь именно здесь-то мы и

познакомились с тобой. А сколько раз мы тут с тобой лежали, сколько видели отсюда всего. Хорошее

место, уютное, тут нам никто никогда не мешал. Эта берёза такая замечательная. В других дворах

тоже есть берёзы, но куда им до нашей.

Потом они пошли за гаражи, где весной всегда было затишье и солнечное тепло. Здесь можно

было лежать не только на боку, но и вовсе брюхом вверх.

– Да, Бобик, я совсем не уверен, что в каком-нибудь новом дворе есть такое славное местечко, –

сказал Пёс Драный, – мне так не хочется с ним расставаться.

Бобик с удивлением посмотрел на друга, голос которого от чего-то дрожал. Потом они сходили к

мусорным бакам, потом выглянули из двора на большую улицу с множеством машин, потом постояли

перед скамейкой, где обычно сидели бабушки. Бобик видел, что Псу Драному становится всё хуже.

– Но ты представь и другое, – сказал Бобик. – То, что сейчас ты уедешь и уже никогда не увидишь

Шмеля, бульдога Барбариса, кота Шкоду и, в конце концов, меня.

– Ой, Бобик, – простонал Бёс Драный, – ох, и любишь же ты травить мою собачью душу.

И Пёс Драный завыл, как от какой-то очень большой тоски:

– У-у-у.

Бобика это настолько тронуло, что не удержался и он:

– У-у-у, у-у-у.

– У-у-у, – выл Пёс Драный, – я так не хочу уезжать из свого двора!

– У-у-у, – за компанию самозабвенно подвывал Бобик, – и я тоже не хочу-у-у!

– У-у-у, пусть лучше уезжает кто-нибудь другой, а я не

хочу-у-у!

– Стоп, стоп, – изумлённо сказал Бобик, перестав выть, – а ты что, тоже уезжаешь?

– У-у-у, – не мог остановиться Пёс Драный, – кажется, никуда я не уезжаю-у-у.

– Ну, так и чего тогда воешь? Впервые вижу собаку, которая воет за другую.

Пёс Драный замолк и грустно лёг на землю.

– А сам-то ты чего же выл? – даже обиженно спросил он.

– Так я вместе с тобой. Не сдержался. А вот ты чего начал?

– И впрямь, – сказал Пёс Драный, – чего это я? Вот представил, так представил! А ведь на самом-

то деле уезжает Барбарис.

– Да, уезжает. И мы его больше никогда не увидим. Так же, как и он нас.

– А ведь какая замечательная собака! – заметил Пёс Драный! – Ты знаешь, я всегда

подсознательно не только не любил его, но и уважал. Хороший он пёс, а главное, какой культурный,

какой культурный. Такой культурный, что даже здороваться перестал.

– Да, – подтвердил Бобик, – всегда на лифте ездил. Хозяину палку выбросить не позволил.

Наверное, они её так с собой и увезут.

– А с другой стороны, если уезжает он, то, и в самом деле, чего нам-то выть? Ну, я то ещё ладно, я

– растрогался. А ты чего? Устроили какой-то глупый вой…

– У людей это тоской по родине называется, – умно заметил Бобик.

– А у нас?

– Не знаю. У нас-то, собак, наверное, как всегда, попроще – просто тоска по нашему двору.

Новые, не вошедшие в сборник

15

Стыд за собрата

Пёс Драный был очень зол. Он просто на месте не мог стоять от злости.

– Чего ты так? – спросил Бобик. – Чего ты злишься-то? Кто тебя так разозлил?

– Да был сейчас на соседней улице. А там бродит такой же пёс, как и я, только, знаешь, в какой-то

одежде, которую хозяева напялили на него. Он ходит в ней прямо, как в телогрейке.

– Ну, и что тебе с того? – удивился Бобик.

– Да не терплю я этих модных, – сказал Пёс Драный. – Совсем уже свою собачью природу

позабыли!

– Ты ворчишь вообще-то как старик какой-то, – сказал Бобик.

Пёс Драный походил, позлился ещё немного, а потом согласился:

– И то верно. Ну, и пусть ходит таким модным. Даже мне, собаке, и то стыдно смотреть на такую собаку.

Document Outline

Задумался…